

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

стью, случайной асимметричной интегральностью (идиоматической молекулярностью), сложным символизмом, иными формами психической активности.

Рефлекторное сознание отражало/выражало экзистенциальное восприятие, сопровождаясь провалами памяти, дефицитом больших смыслов, то есть рефлексивным вакуумом, заполнявшимся фантазмами и характерной для подобного состояния ума загроможденной бессвязностью бытия. Все это свидетельствовало о полуживотном статусе человека – мы, наверное, расценили бы сейчас такое состояние как особый вид психической патологии.

На древнейших хтонических божествах видна роковая тень этого алогизма, хаоса, безумия. Не творческая личность, но именно разъятый хаос, родовые воды, океанические пучины прямо или косвенно признаются создателями мифов изначальной субстанцией, дном космогонии, первичным бульоном жизни.

Древнейшая память в большей степени осязательна, нежели зряча, проявляется в ощущении либо озарении, но не в рефлексии. Она скорее ритуальна, чем мифологична. Здесь источник многозначности знаков, примет, признаков, их полифоничной рациональности – подсознательно накапливаемой суммой однотипных, реплицирующихся столкновений с миром.

По мере удержания, увязывания обрывков пробуждений и ритуальной рефлексии дискретный символизм слипается, сплетается в многоцветный венок сведенной воедино карты бытия.

САКРАЛЬНАЯ ГЕОМЕТРИЯ ЖИЗНИ

Следующая генерация мышления и «упаковка» сознания заметно устойчивее предыдущей. Она широко представлена в истории, проникает и в современность, но, кажется, недооценена в своей оригинальности и многообразии.

Особенно как специфическая рациональность – средство опознания и удержания целостной картины мира, механизм фиксации причинно-следственных связей, язык повседневной коммуникации, усеченно используемый/прочитываемый и в наши дни, получивший статус «художественного» либо «мифологического» мышления. Этот тип сознания определим как синхронное или аналоговое, а чтобы избежать упрощения и аббераций, назовем его синхронистичным.

Появление подобной формы рефлексии означало преодоление дискретной рефлекторности мыслительного аппарата, обретение устойчивых связей с окружающей средой, то есть долгосрочное удержание целостной композиции.

Возможно, свою роль в организации сознания, привязке ситуаций/решений к месту и времени (формировании когни-

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

тивных координат) сыграла относительная неизменность звездного неба («зодиак»¹), суточного и годового круга («календарь»), физиологических циклов. Кодификация обретаемой картографии проявляется в артефактах, инвариантом является мандала, а также ее ипостаси: знак, символ, ранголи, альпона, мудра, лабиринт. Достигнутая связность фрагментов обозначила шаг от ритуала к мифологии, затем возможность фиксации в символических и архитектурных комплексах, образных системах, сводах толкований полузабытого, мистифицированного опыта, отчасти опознаваемого как значимые перекрестки и семафоры жизни.

Исцеление от рефлекторности, прерывистости бытия одновременно порождало и страх катастрофы: утраты хрупкой целостности (обретенного исцеления), регрессии, возвращения хтонического кошмара. В этом подчас паническом чувстве видится источник избыточной ритуализации аспектов быта, детальной регламентации функций, запечатанности кастовых ковчегов. История культуры, археология сохранили множество манифестаций закрытого мышления: версий топографии не физического (географического), но метафизического ландшафта.

Подобное сознание обладало собственной геометрией жизни, заметно отличной от привычного хронотопа.

Становление замкнутого, цикличного мировидения происходило естественным образом: люди, дабы избежать возврата беспмятства и безумия, избавиться от призраков расколотого мира, подавляющего сознание потопа стихий, стремились всеми доступными средствами удержать связь времен, каталогизируя прошлое, ища скрепы существования в некой изначальной точке.

Человека той поры навязчиво привлекал к себе центр мироздания, лоно происхождения – источник бытия, древо жизни, гора спасения. При этом люди намеренно поворачивались спиной к будущему, чреватому разрушением обретенной устойчивости и воспринимаемому как опасное пограничье – крошечная окраина, зыбкая периферия, ужас затмения. К примеру, в аккадском языке категория «прошлое» – *um pani* – дословно означает «дни лица/переда». Для человека того времени прошлое – это доминантный маршрут мысли, основное направление взора. От будущего же отворачивались, оно отвращало: аккадское «будущее» – *ahcratu* – образовано от корня *hr* со значением «быть позади», «замещать»².

Иначе говоря, будущее воспринималось как отвергаемая, маргинальная – крошечная – территория, основанием же бытия полагалось прошлое.

¹ В древнейшей – «вавилонской» – системе счета структура числового ряда не абстрактно умозрительна, а непосредственно связана с круговращением небесной сферы (прецессией).

² Клочков И.С. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. Очерки. М., 1983. С. 29. Удивительным образом этот обращенный в прошлое хронологический вектор по-своему присутствует и в современной системе летосчисления для древних (до Рождества Христова) времен.

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

В зазеркалье все еще порывавшегося ускользнуть, но уже прочно удерживаемого прошлого отражалось спонтанно прозреваемое, по крупницам (отблескам, осколкам) выстраиваемое псевдобудущее – мифологический, эскапистский и героический пейзаж событий, изъятых из земного круговорота. Населяли пророческое и оргиастическое пространство сверхлюди: хранители прошлого – могучие прародители. В дневном же – внешнем – мире будущее не имело образа, ведь облик (имя) давали события. Будущее воспринималось как несовершенное деяние, незавершенная субстанция, необработанный камень, нечто дикое, пугающее, варварское. Его заклинали и огораживали. Человек не стремился в эти призрачные, заполярные земли, несуществующие времена: его там ждали потери, увечье, смерть... Одно из характерных обозначений будущего на аккадском языке – «дни, что опаздывают».

Будущее мыслилось как пространство, неподконтрольное людям, полностью находящееся во власти иных, неведомых, однако значительных сил. Оно представлялось «далеким Западом», страной захода и угасания светил, являло не простор для действия, но сумерки бытия, его предел, последнюю границу, непересекаемый рубеж – бескрайний, поглощающий дерзость океан.

Быть может, здесь истоки странного безволия в критических обстоятельствах, порой охватывавшего тех, которым открывались гипотетические очертания смертного часа («чему быть, того не миновать»).

При этом карта времени подобно сакральной топографии была тщательно расчерчена и приписана к поименным хранителям: не только каждый сезон или день замкнутого, «круглого» календаря, но даже часы имели поручителей-стражей. Вне русла больших смыслов это подсобное хозяйство загромождало циклический хронотоп бытия, оставаясь бессодержательным, механистичным складом событий: неспешно перемалывая зерна жизни, исчисляя, регистрируя происходящее, оно в сущности не вело никуда³.

В рассеянной пассивности время определялось не новизной или предприятиями (проектами), а утомительной бесконечностью повседневности, множественностью реплицированных «дней сурка». Его символический образ, сохранившийся в привычной атрибутике вплоть до нынешних дней, определен замкнутостью круга: мера часов и минут – градус. Время обременяло человека и профанировало жизнь. Постоянно переписыва-

³ Один из возможных источников ретроспективной психологической/культурной АБЕРРАЦИИ – наш пристальный интерес именно к религиозным и нарративным текстам «седой» древности. Сталкиваясь по преимуществу с переводами и публикациями данных произведений, мы не замечаем их эксклюзивности в общей массе письменных свидетельств той поры, в ничтожном процентном соотношении документов первой группы к основному корпусу находок – хозяйственных регистраций, разнообразных регламентов, калькуляций, реестров дел и событий. Пропорция добытых на археологических площадках Месопотамии табличек из обеих групп впечатляет. Да и в самой первой группе первенствуют все же скорее магические рецептуры, а не метафизические творения.

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

емый каталог – инвентаризация бывшего и небывшего – являлся преградой, стеной на пути перемен, каменным небом горизонтальной экспансии. Времени, в сущности, не было, был срок⁴.

Генетика древнего хронотопа отчасти присутствует в сознании и сегодня, в чем-то совпадая с архитектурой сновидений, переходя из путаницы яркого и важного в композицию сложной (ложной) карты космоса как лабиринта. Удивительная пластичность топологии бытия (например, плавность соединения сакральной, мифической, и опытной, физической, версий географии) объяснялась единством, континуальностью «спящей» ментальности и «дневных» ситуаций. Жизнь была версией сна и наоборот.

Конструкция лабиринта, порожденная синкопами практики, вносимыми жизнью в плавный поток видений, имеет между тем существенное отличие от безвременья мандалы: разрыв кольца – намек на возможность исхода из преисподней («табакерки») некрополиса в попытке следовать за скрытым в клубке личин ликом или отраженным стенами, умноженным эхом голосом⁵. Совмещение сакральной географии с подвижностью человеческого естества, чреватого кризисами и прорывами, проявилось, к примеру, в архитектуре первогородов-доменов, их пространственной организации, символических и физических сложностях пересечения городской черты (вспомним проблему, возникшую у ахейан с проникновением в лабиринтообразную Трои) и параллельно с этим – в пристройке прагматичного, разноголосого *portus'a*⁶.

Но главная особенность синхронистичного сознания: его причинно-следственная логика была аналоговой, «горизонтальной». Весьма разные и на первый взгляд не имевшие ничего общего со-бытия были так или иначе – сейчас сказали бы «голографически» – связаны. И связь эта осознавалась подчас как нечто более важное, нежели само событие, воспринимавшееся отстранённо, как знак. Представлялось, что о переменах и грядущем надежнее судить по косвенным признакам – приметам либо аналогиям. Нам знакомо это состояние ума, мы называем его суеверием.

Страх перед возвращением в мир разрывов предупредил практику жертвоприношений силам, удерживавшим мир от распада (политика «малых бед»). Он же порождал специфичное отношение к новациям, любой версии расширенного производства, существенным изменениям наличных условий, интенсификации жизни, развитию *per se*, проявлениям инакости, чужим и «чуждым» системам ценностей. И соответственно – к новаторам,

⁴ «Слово *adanni*, которое иногда переводят как “время”, означает “срок” и в смысле какого-то периода времени, и в смысле момента в конце определенного периода». См.: Ключков И.С. Указ. соч. С. 15.

⁵ См.: Неклесса А.И. Глобальный Град: творение и разрушение // Глобальное общество: картография постсовременного мира. М., 2002. С. 227–256.

⁶ Следы связи лабиринта с городом сохранились в европейской культуре: лабиринты здесь именовали «Троя» (Западная Европа), «Вавилон», «руины Иерусалима», «стены Иерихона» (Северная Европа) и т.п. См.: Стародубцева Л.В. Метафизика лабиринта // Альтернативные миры знания. СПб., 2000. С. 256.

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

диссидентам, трикстерам, положение которых в обществе фактически было сродни статусу пре-ступников, то есть людей, переступающих некую запретную черту.

Основой благоденствия полагались стабильность и равновесие. Строительство грандиозных мегалитических сооружений, зиккуратов, пирамид, ирригационных комплексов, водохранилищ, зернохранилищ было действием, служившим – помимо побуждения к физическому воплощению сакрального конструкта – данной цели. В период «семи тучных коров» избыточная энергия аккумулировалась, ограничивая потенциал демографического либо социального взрыва. Наоборот, когда приходило время «семи тощих коров», в наличие были средства для поддержания численности населения и одновременно для купирования социальных турбулентностей. Однако люди – существа, по своему естеству порождающие перемены, время от времени – радикальные. Человеческая природа плохо укладывается в прокрустово ложе.

В лоне истории, таким образом, соприсутствуют и состояются два социальных ритма:

- синусоидальный – сопряженный с перманентным воспроизводством баланса, поддержанием неизменности традиций;
- векторная динамика, усложненная нелинейностью, синкопами, фазовыми переходами – трансценденцией миропорядка, трансформацией норм и регуляций, – имеющая следствием взрывной рост населения, расширенное воспроизводство, разнообразные, неоднозначные воплощения творческой новизны.

СМУТНЫЙ ГОРИЗОНТ ИСТОРИИ

Следующая форма сознания – мышление диахронное, или линейное, «векторное» (стрела времени). Это – распутанная нить Ариадны, выводящая людей из сновидческих объятий мандалы, проводящая через многоугольные, спиралеобразные закоулки лабиринта. Метастазы идиосинкразии к будущему (прежняя аксиология времени) все же сохранялась в виде нисходящей траектории истории: от «золотого века» к «железному» и далее – к «гибели богов».

Данный тип мышления внятен и привычен, он – одна из основ цивилизации. С генезисом хронологического вектора связано также понятие «осевого времени» – некой поворотной точки истории, после которой происходят многочисленные, серьезные перемены. Начиная приблизительно с VIII века до н.э. в средиземноморской Ойкумене утверждается и развивается отличный от прежнего взгляд на мир – экзотерический и категориальный. Рождаются формы устойчивой рефлексии – философия и наука (натурфилософия). Речь идет прежде всего о совершившей ментальный прорыв Древней Греции. Люди дерзновенно и критически (хотя до поры как бы «искоса») взглянули на угнетавший фатум и, не отрицая неумолимость рока, противопоставили ему собственное деятельное промышление.